

ЛЕВ ЛУРЬЕ

ОКНО
в
ИСТОРИЮ

Поздние ленинградцы
От застоя до перестройки

Лев Яковлевич Лурье
Поздние ленинградцы.
От застоя до перестройки
Серия «Окно в историю»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68970174

Лурье Л. Я. Поздние ленинградцы. От застоя до перестройки: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-9775-1186-5

Аннотация

Ленинград 1970–1980-х годов. Неофициальная жизнь города становится ярче и смелее той, что на страницах официальных газет. Ленинградцы тех лет – рокеры, вольнодумные поэты, каратисты полузапрещенных спортивных секций, театральные деятели, первые гении рыночной экономики – все они совсем скоро станут главными актерами городской и в целом российской сцены. А пока им приходится существовать в быстро меняющейся повседневности позднего Ленинграда. Об этой, казалось бы, неподвижной, тихой эпохе рассказывает книга Льва Лурье, основанная на десятках интервью свидетелей и участников неформальной жизни города на Неве.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	5
Две действительности	5
У кого взяты интервью	30
Часть I. Приватизация жизни	44
Бэби-бумеры	44
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лев Лурье

Поздние ленинградцы.

От застоя до перестройки

© Подгорков С., фото на обложке, 2022

© Оформление. ООО "БХВ-Петербург", ООО "БХВ",
2022

* * *

Предисловие

Две действительности

Эта книга продолжает вышедшую в издательстве «БХВ» мою предыдущую работу «Над вольной Невой. От блокады до „оттепели”». Теперь – от «застоя до перестройки». Обе книги посвящены неформатному, не вполне подчиненному Смольному мегаполису. Горожанам, подготовившим превращение Ленинграда в Петербург.

В СССР, последовательно руководимом в те годы Леонидом Брежневым, Юрием Андроповым, Константином Черненко и Михаилом Горбачевым, существовал негласный общественный договор между коммунистическим государством и обществом.

Власти сквозь пальцы глядели на частную жизнь советского человека: в отличие от сталинского и даже хрущевского времени, люди были более-менее вольны в возможностях приработка на стороне, покупки вещей «с рук», круге чтения, тематике приятельских разговоров, эстетических предпочтениях, религиозных верованиях.

Степень отклонения от партийной нормы сказывалась на карьерных возможностях, но, во-первых, даже у самых упорных и послушных в 1970-е – начале 1980-х карьера двига-

лась ни шатко ни валко, а во-вторых, связи и взятки начинали в карьерном росте играть все большую роль, превосходя высокую производительность труда, «чистую» ан-кету, чистоту «морального облика» и активность в «общественной жизни».

Если человек не совершал чего-либо сверхъестественного – не готовился к свержению общественного строя, не скушал валюту, не размножал «Архипелаг ГУЛАГ», не проповедовал открыто христианство, иудаизм или ислам, а жил по принципу «скрывайся и таи и чувства и мечты свои», то оставался лояльным советским гражданином и не подвергался преследованиям.

Существовали, однако, и «красные линии» – то, что вполне можно было делать частным образом – костерить советскую власть, рассказывать за кухонным столом анекдоты о Ленине или Брежнев, читать Солженицына, поклоняться Сахарову. Невозможно было публично костерить советскую власть, публиковать не прошедшие советскую цензуру опусы за границей, давать интервью западным средствам массовой информации. За это могли посадить по одной из статей УК (прежде всего 70-й и 190-й), придумать уголовное дело или даже заточить в психиатрическую клинику.

Между полной лояльностью и вызывающим неконформизмом располагалась все увеличивающаяся «серая зона», где говорили одно, делали другое, и частный интерес все больше преобладал над государственным.

Шел процесс феодализации — менеджмент постепенно фактически приватизировал государственную собственность. Это касалось, прежде всего, предприятий торговли, обслуживания и общепита, где распределяли «дефицит» и лился ежедневный поток наличных денег.

Но и бюджетные организации, не дававшие дохода, получали некоторую автономию: директор престижной школы мог взять или не взять ребенка «с улицы». От него зависели результаты итоговых экзаменов. Важным преимуществом на рынке взаимных услуг пользовались и главные врачи, и полковые командиры, и ректоры вузов, и директора театров. Конечно, бармен или мясник могли дать им фору, но все же и они нуждались в услугах этих влиятельных людей.

Ленинградские НИИ, КБ, вузы, учреждения, подведомственные Управлению культуры или горно, резко различались степенью контроля сотрудников, идеологической атмосферой. Престижными считались места, где можно было действительно заниматься чем-то осмысленным, а не просиживать восемь часов, писать месячные, квартальные и годовые отчеты и еженедельно с коллегами перебирать гнилые овощи на овощебазах. Где было много интересных командировок, легко отпускали сотрудников в библиотеки или архивы, не мучили установочными лекциями партийных пропагандистов. Где начальство было относительно просвещенным, не лезло в личную жизнь и могло, в случае чего, прикрыть от неприятностей на идеологической или быто-

вой почве. Такими оазисами считались Ленфильм, некоторые академические институты (прежде всего Физтех имени А. Иоффе), Эрмитаж, научные отделы Всесоюзного музея Пушкина, Музея истории города, Большой драматический театр.

Но с конца 1960-х и до середины 1980-х число учреждений, где советская власть позволяла самовыражаться, заниматься своим делом честно, неуклонно сокращалось.

Застоя предшествовала вторая «оттепель». В 1965 году из ссылки раньше назначенного срока возвращается Иосиф Бродский. В ленинградском отделении Союза писателей избирают новое правление: вместо сермяжного старого чекиста Александра Прокофьева в 1965 году отделение возглавляют относительно либеральные Даниил Гранин и Михаил Дудин. Но после доноса на вечер молодых литераторов в Доме писателей 30 января 1968 года («ползучая контрреволюция», «сионистская провокация») ситуация зигзагообразно, но неуклонно ухудшается.

Сергея Довлатова, Иосифа Бродского, выступавших на роковом вечере, не будут печатать и принимать в Союз. Вне Союза останутся «ахматовские сироты» Евгений Рейн, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев. Профессиональное писательство будет закрыто для самых талантливых людей следующего поколения – Леонида Аронсона, Виктора Кривулина, Елены Шварц, Сергея Стратановского. Их первые сборники появятся, когда им минет сорок.

Для нового ленинградского руководства во главе с Григорием Романовым и осторожный Гранин слишком самостоятелен. В 1971-м на посту главы ленинградских писателей его смещает абсолютно послушный, ничем творчески не примечательный поэт Олег Шестинский. «Блокадную книгу» не напечатают в Ленинграде. Она, обкорнанная цензурой, выйдет в Москве.

Ленинградские литературно-художественные журналы «Нева» и «Звезда» печатают бесконечные романы и повести из жизни рабочего класса и выглядят бесконечно скучными даже на фоне сильно цензурируемых московских «Нового мира», «Нашего современника», «Звезды» и «Дружбы народов». Чуть поживее «Аврора», поэтому ее редакцию дважды «чистят». В 1977 году снят и вскоре умер главный редактор Владимир Торопыгин. Предлог – стихи Нины Королёвой с намеком на страшную участь царской семьи в Екатеринбурге: «И в год, когда пламя металось на знамени тонком, в том городе не улыбалась царица с ребенком...» В 1982 году потерял свою должность главный редактор Глеб Горышин из-за того, что в журнале на 75-й странице был напечатан рассказ Виктора Голявкина «Юбилейная речь», в которой заподозрили пародию на 75-летие Брежнева.

К середине 1970-х многочисленным молодым литераторам Ленинграда становится понятно: на их пути стена, установленная властью. Попытки профессионализации каждого из начинающих, вне зависимости от таланта и политических

воззрений, раз за разом заканчиваются крахом. В 1975-м поколенческая группа объединяется, создается огромный коллективный стихотворный сборник «Лепта». Рукопись подана в ленинградское отделение Союза писателей и отвергнута после разгромной, оскорбительной рецензии известного в городе мракобеса профессора Петра Выходцева.

Надежд на работу в официальной литературе не остается. Появляются другие формы реализации – самиздатные машинописные журналы «Тридцать семь», «Часы», «Обводный канал», квартирные чтения – то, что неформальный лидер поэтов-семидесятников Виктор Кривулин называл «второй литературной действительностью». Это действительность, но не только вторая, а во многом второстепенная.

«„Эрика“ берет четыре копии. Вот и всё! А этого достаточно!» – пел Александр Галич. Не всегда достаточно, чаще нет. Те, кто рискуют перепечатывать, распространять, тайком читать, склонны доверять проверенным знаменитостям, сбывшимся гениям. В самиздате и тамиздате конкуренция с середины 1970-х бешеная. Кривулин, Шварц, Стратановский соревнуются за внимание читателя не столько друг с другом, сколько с Солженицыным, Набоковым, Войновичем, Довлатовым, Бродским, Ходасевичем, Гумилевым, Бердяевым, а «Часы» и «Обводный канал» – с «Континентом», «Временем и мы», «Вестником РСХД». У ленинградского литературного подполья узкая аудитория, рассчитывать на

сколько-нибудь заметный писательский успех не приходится.

С той же проблемой, что писатели-семидесятники, сталкиваются их сверстники – художники. Их в Ленинграде много: выпускники Академии художеств, Мухинского училища, факультета изобразительного искусства в Пединституте, факультета сценографии в Театральном. А есть еще и те, кто учился в Средней художественной школе, Серовском училище, ходили в студии при дворцах культуры, Дворце пионеров к Осипу Сидлину, Соломону Левину.

Положение художников даже хуже, чем у литераторов. Эстетические и тематические ограничения жестче, контролирующие инстанции невежественнее и консервативнее. Попытки членов ленинградского отделения Союза художников на некоторую скромную оппозицию в области формы быстро пресекли: группа «Одиннадцать» провела только две выставки: в 1972 и 1976 годах.

Еще тяжелее складывалась судьба нонконформистов, которых не принимали в творческий союз. В предыдущей книге мы писали о закрытой со скандалом выставке эрмитажных «такелажников». Дважды в 1968 году неформалы устраивали небольшие выставки в Клубе им. Н. Г. Козицкого на Васильевском острове, оба раза они провисели по два дня и были со скандалом закрыты.

В 1974 году после разгона знаменитой Бульдозерной выставки в Москве, нанесшей ущерб имиджу страны, в столи-

це начали искать компромисс с художниками. Вслед за ними зашевелились в Смольном и ЛОСХе. Состоялись разрешенные показы работ в ДК им. И. И. Газа (1974) и ДК «Невский» (1975) (о них подробнее ниже). А после этого – отбой: вплоть до 1981 года – «квартирники», закрываемые КГБ и милицией, вытеснение неугодных в эмиграцию, таинственная смерть Евгения Рухина.

С середины 1960-х годов в СССР и Ленинград приходит битломания. На пластинках, чудом доставленных из-за границы, звучит уже не джаз, а «Битлз» и «Роллинг стоунз». Новая музыка как очевидный пример тлетворной западной массовой культуры встречена официальными инстанциями в штыки. Но невиданный рост популярности самодеятельных «гаражных» групп, возникавших в каждом институте, в каждой школе, заставил пойти на уступки. Так появились ленконцертовские вокально-инструментальные ансамбли «Поющие гитары» (1966) с Юрием Антоновым, Альбертом Асадуллиным, Ириной Понаровской, «Веселые голоса» (1969), «Калинка» (1971), и «Лира» (1973), близкие к бритпопу, но с залитованными советскими текстами.

Но одновременно все нарастающей известностью пользуются «Аргонавты» (1965), «Фламинго» (1966), «Кочевники» (1966), «Россияне» (1969) – это полулегальные самодеятельные группы, постепенно переходящие от воспроизведения англичан к собственным мелодиям и русским текстам. Прямо сказать, тексты эти нельзя отнести к большой лите-

ратуре, но танцевали под них охотно. Складывается полуподпольная система продюсирования и промоушена: группы играют на студенческих вечерах, в кафе, близлежащих сельских клубах. Растущая популярность самодеятельного рока приводит беспорядкам на концертах и к первому большому столкновению с властями. 25 декабря 1969 года «Фламинго» и «Галактика» объединенным составом, а также «Синяя птица» из Театрального института выступают на вечере физико-механического факультета Политеха. Ажиотаж страшный, концерт задерживается, возбужденные студенты громят зрительный зал.

Результат – установочная статья в «Ленинградской правде» о «пошлой, вульгарной» программе «Фламинго». Уволены декан факультета и директор студенческого клуба. Издан приказ Управления культуры об ужесточении разрешений на выступления для непрофессиональных групп, группы, не имеющие в составе духовой секции, запрещаются.

Рок-движение продолжает развиваться в полуподполье, становясь в какой-то части сегментом черного рынка. Подпольные сейшены, сложная система распространения билетов, объявление места будущего концерта в последний момент. Концерты перемещаются в пригороды, в колхозные клубы. Самыми популярными у студенчества группами второй половины 1970-х годов становятся «Мифы», «Россияне» «Санкт-Петербург», «Аргонавты», «Большой железный колокол». Одновременно ищутся пути легализации, но все пере-

говоры о приемлемом компромиссе до начала 1980-х годов не приводят к успеху.

Между тем с появлением на рок-сцене «Аквариума», Майка Науменко, Сергея Курехина, а позже панк-рока и прежде всего «Автоматического удвоительителя» Андрея Панова, Виктора Цоя и Алексея Рыбина эстетика ленинградского рока меняется. Тексты все больше приближаются к стихам поэтов «второй культуры», усложняется музыка.

Одновременно происходит техническая революция. Неудобные, тяжелые катушечные магнитофоны сменяются компактными кассетными, вначале завезенными из-за границы «Филипсами» и «Сони», а затем и советскими «Спутником» и «Десной». Появляется возможность записи и тиражирования рок-альбомов. Благодаря Андрею Тропилло и его созданной в 1979 году полуподпольной студии звукозаписи «Антроп» на улице Панфилова ленинградские рок-группы постепенно получают всесоюзную популярность.

В 1979-м советские войска входят в Афганистан. СССР размещает в Восточной Европе ракеты СС-20, американцы грозят ответить размещением в Западной Европе своих «Першингов». Холодная война обостряется до предела.

В январе 1980 года Андрея Сахарова лишили всех советских наград и премий и выслали в Горький. С августа 80-го впервые за семь лет в СССР начали глушить русскоязычные передачи Би-би-си, «Голоса Америки» и «Немецкой волны». Осенью 1982 года трое последних оставшихся на свобо-

де участников советской Хельсинкской группы вынуждены объявить о прекращении ее деятельности. В 1983 году разгромлен помогавший политзаключенным Фонд Солженицына, прекращается издание «Хроники текущих событий». В эмиграции оказались Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Юрий Любимов, Виктор Корчной, Владимир Буковский, Андрей Тарковский, Василий Аксенов, Георгий Владимов, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный.

В Ленинграде ситуация еще жестче. Как писал филолог и политический арестант Михаил Мейлах: «В Москве были настоящие диссиденты, КГБ их пас, постепенно изничтожая, а питерские органы их душили на корню, потом им нечем было заниматься, и они хватали интеллигентов, ведущих более или менее независимый образ жизни».

В 1979 году арестовали Владимира Пореша за издание самиздатского православного журнала «Община» по статье 70-й (антисоветская агитация и пропаганда). 2 августа 1981 года арестован главный редактор исторического сборника «Память» Арсений Рогинский. В декабре 1981-го – глава Ленинградского отделения Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям А. И. Солженицына Валерий Репин. В 1981-м арестовали Н. Лазареву за участие в издании журналов «Женщина и Россия» и «Мария», в 1982-м она была осуждена повторно уже за антисоветскую агитацию. В 1983-м арестовали филолога М. Мейлаха за хранение и распространение «тамиздата». С делом Мейлаха было свя-

зано дело Гелия Донского (1983). В 1984 году были арестованы и осуждены за распространение запрещенной литературы Б. Митяшин (повторно) и М. Поляков.

КГБ в эти годы предпочитал, чтобы его клиентов арестовывали не по «родным» 70-й и 190-й статьям УК, а по уголовным обвинениям – как Арсения Рогинского («подделка документов») и Андрея Васильева (1984-й, обвинен в том, что хулигански мочился на Марсовом поле на алое полотнище). В 1981 году литературоведа К. Азадовского арестовали по ложному обвинению в хранении наркотиков (1981). Дважды известных в городе людей отправляли на зоны по обвинению в гомосексуализме – известнейшего археолога профессора Льва Клейна (1981) и главного режиссера ТЮЗа Зиновия Корогодского (1986).

В 1981 году по инициативе Ленинградского управления КГБ был принят ряд решений по «второй культуре», находившихся в противофазе с общим движением к репрессиям по отношению к любому инакомыслию.

Тогда же в Большом доме приняли судьбоносное решение об организации собственных творческих мини-союзов для бесконтрольно болтающихся под ногами у власти непристроенных творцов. В силу недовольства своим положением они могли представлять некоторое потенциальное неудобство.

Кто в Ленинградском КГБ предложил учредить своеобразные резервации для деятелей «второй культуры», трудно сказать. На авторство претендует бывший генерал-майор

КГБ Олег Калугин, занимавший в начале 1980-х место заместителя главы Ленинградского управления. Важную роль играл начальник отделения по творческой интеллигенции 5-й службы Ленинградского управления майор В. Г. Веселов, отчитавшийся о ней статьей в секретном чекистском сборнике: «Некоторые вопросы профилактики негативных процессов, осуществляемой советской контрразведкой в сфере борьбы с идеологической диверсией противника». Ну а затем это отделение возглавил майор Павел Кошелев (Коршунов), давший о своей деятельности несколько интервью.

Основная задача чекистов: «перевод неофициально возникающих группирований на официальную основу, направления негативного процесса в политически выгодное русло... На основные позиции в руководстве клубами продвинуты агенты, пользующиеся авторитетом в так называемой полутворческой среде». Так возникают в 1981–1982 годах Товарищество экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ), Ленинградский рок-клуб и «Клуб-81» для литераторов.

Собрание Товарищества экспериментального изобразительного искусства в «Клубе-81». Фотография из фонда «FSO 01-0143 Voznesenskaja»

Неожиданным образом операция КГБ провалилась. В начале 1980-х власть потеряла всякое обаяние, напротив, принадлежность ко «второй культуре» – прежде всего музыкальной – была в моде. В результате те, кто должен был цензурировать и доносить, добровольно переходили на сторону тех, кого они должны были пасти. В рок-клубе появляются новые группы, среди которых «ДАТ», «Алиса», «Зоопарк», «Кино» «Странные игры», «Телевизор». Они собирают толпы. Фестивали Рок-клуба – всегда события, зрители, что назы-

вается, «висят на люстрах».

ТЭИИ, наряду с ветеранами выставок в ДК Газа и «Невский», включает «Митьков» и «Новых художников». «Митьки» благодаря одноименному тексту Владимира Шинкарева и его же «Максиму и Федору» становятся модным брендом, племенем со своим языком и манерой поведения. Да и поклонники Тимура Новикова и «Новых художников», включающие рок-музыкантов, кинорежиссеров-некрореалистов, организаторов рейвов, захватчиков сквотов, — шире, чем просто художники, скорее радикальное молодежное движение. Выставки в ДК Кирова и Дворце молодежи ломились от зрителей.

«Клуб-81» становится важнейшей площадкой для общения ленинградских неофициальных литераторов с их коллегами из Москвы, семинаров, конференций, поэтических вечеров. Как сказал Андрей Битов о планах КГБ в отношении «Клуба-81»: «Они хотели подстричь газон, а получили рассадник».

В начале 1980-х советская власть кажется сильной, жесткой, не способной ни к каким существенным изменениям. Наши союзники — пол земного шара: от Кубы и Никарагуа до Вьетнама и Эфиопии. Брежнева сменяет Андропов, Андропова — Черненко, но, как кажется, ни в идеологической атмосфере, ни в повседневной жизни ничего не меняется.

И в Ленинграде, откуда в 1983 году на повышение в Москву уехал правивший городом тринадцать лет Григорий Рома-

нов, тоже все стабильно. Разве что в 1984-м «Зенит» впервые становится чемпионом СССР по футболу. А так никаких новшеств от нового первого секретаря обкома Льва Зайкова никто не ждет.

С каждым годом жизнь чуть мрачнее. Больше очередей за дефицитом, беднеет ассортимент товаров, гомерическое пьянство, город становится грязнее, хуже

Автор этих строк стоял в очереди за водкой в день смерти Брежнева. Событие не обсуждали – мало ли кто услышит, но когда встречались глазами – улыбались, как быподмигивали друг другу. Никакой скорби. А через два года – опять очередь за водкой в том же магазине, смерть Андропова. Никаких улыбок, полная тишина. И только какой-то пьяный внезапно выкрикнул: «Папа умер!» Беснадега, дурная петля времени.

Никаких особых надежд на перемены не вызвала и смерть совершенно уже бесцветного генсека Константина Черненко. Михаил Горбачев, похожий на Павла Ивановича Чичикова, ничем не отличался от среднего номенклатурного работника. На то, что все же что-то меняется, намекнул приезд Горбачева в Ленинград 15 мая 1985 года. Его «членовоз» с охраной и свитой из «Пулково» отправился на площадь Восстания, где к 40-летию Победы только что поставили известную «стамеску». И тут неожиданно кортеж остановился на углу Невского и Литовского, и генсек вышел прямо в толпу. Такого ленинградцы не видали со времен Сергея

Мироновича Кирова. Михаил Сергеевич закричал: «Больше социализма, товарищи!» Обалдевшая толпа откликнулась: «Больше, Михаил Сергеевич!» А одна женщина: «Держитесь ближе к народу, мы никогда вас не подведем». Горбачев, разводя руками, ответил: «Да куда уж ближе». Что-то начало меняться.

В Ленинграде, как выяснилось, самым острым общественным вопросом стала охрана исторического центра. Я подробно пишу об этом в своей книге «Без Москвы», коротко же суть сводится к следующему. Провинциализация Ленинграда сделала особенно важной для горожан тему регионального патриотизма. Свидетельства времен, когда «На земле была одна столица, / Всё другое – просто города» – разнообразная, отсылающая к невиданной Европе архитектура старого города. Контраст не то что Дворцовой площади, а какой-нибудь улицы Подрезова, 12-й линии или Малой Подъяческой с хрущобами, домами-кораблями или 137-й серией Юго-Запада, Веселого поселка и Купчино был разителен. Старая архитектура намекала на возможность несравненно более богатой, открытой, свободной жизни, чем та, какой жили ленинградцы.

Бухарестская улица, Ленинград

В 1920-е возник ленинградский регионализм, имевший в своем основании пассаистский миф. Ленинградский регионализм зародился из тоски по старому миропорядку и утраченному столичному статусу, когда от старого Петербурга остались только архитектурные ансамбли, Кировский балет, Эрмитаж, пирожные «Норда» и Анна Ахматова. Важность,

ирония и этикет обороняли от новой реальности и помогали «держат тон».

Региональная идея – своеобразный смягченный вариант идеи национальной. На место борьбы с иноземным захватчиком-угнетателем выдвигается противопоставление региональных интересов государственным, воплощенным в столице.

Пик интереса к краеведению, архитектуре модерна, акмеистам и мирискусникам был в Ленинграде 1970–1980-х годов, конечно, не случаен, как и культ Шевченко на Украине или национальной певческой традиции в Эстонии в то же время.

Одним из главных раздражителей для складывавшегося градозащитного движения стала программа «комплексного капитального ремонта», когда старые жилые кварталы полностью расселялись, окружались забором, туда вводилась строительная техника. Часть дворовых флигелей сносилась, в остальных домах уничтожалось всё, кроме наружных стен, – межэтажные перекрытия, камин, лестницы, лепнина, витражи, металлическая арматура, паркет. В результате большие коммунальные квартиры превращались в несколько (чаще всего две) маленьких. Дом становился кадавром, декорацией. Но зато жильцы (а в Ленинграде треть горожан обитала в коммуналках) получали отдельные квартиры.

Ползучее разрушение великого города и безобразная архитектура окраин привели к взлету интереса к рядовой до-

революционной архитектуре. Образовалось мощное второкультурное движение, до поры до времени находившееся в полуподполье.

Как вспоминал позже один из лидеров градозащитников Сергей Васильев: «Мы представляли нашу жизнь только во взаимосвязи с Петербургом, главной сакральной составляющей которого для нас был его исторический код, неповторимый образ, воплощенный не столько в парадных фасадах, сколько во дворах, руинах, крышах, силуэтах – заброшенные лестницы, пыльные витражи, – магия полуразрушенного, неведомого, загадочного, фантомного города, само имя которого было тогда скрытым».

Первой с 1918 года неофициальной протестной акцией в Ленинграде становится хеппенинг у дома Дельвига на Владимирской площади. Трехэтажный доходный дом начала XIX века, где несколько лет жил Антон Дельвиг, должен был быть разрушен для строительства станции метро «Достоевская». Несколько молодых людей – историки Алексей Ковалев и Сергей Васильев, журналист Татьяна Лиханова, архитектор Павел Никонов и сорокалетний режиссер любительской студии Николай Беляк – решили всеми силами противодействовать сносу. Идея публичного действия, приуроченного ко Дню Лицея, принадлежала Беляку.

Развесили листовки, приглашавшие утром 19 октября 1986 года выйти на Владимирскую площадь. И действие началось – затрубили трубачи с колокольни недействующей то-

гда церкви Владимирской Божьей Матери и крыш соседних домов. В окнах расселенного дома Дельвига зажглись свечи. С факелом в руках на балкон дома вышел академик Александр Панченко, знаменитый филолог, и призвал сохранить здание. Горожане поднимались на кузов грузовика и говорили об уничтожаемом городе. Акция не закончилась арестами, как предполагали многие ее участники. В стране действительно что-то менялось. Через три дня городские власти объявили, что дом Дельвига будет сохранен.

В ноябре 1986 года учредили Советский фонд культуры. Председателем правления фонда стал Дмитрий Лихачев, а членом правления – Раиса Горбачева, что обеспечило фонду высочайшую поддержку. Академик Лихачев в Ленинграде – особая фигура. Беспартийный, побывавший в Соловецком лагере, никогда не скрывавший свою религиозность, он сумел добиться высокого московского покровительства и стал «главным» в СССР по древнерусской культуре. В Смольном его ненавидели за независимость. Его квартиру поджигали, на него нападали, его зять, член-корреспондент Сергей Зелетикевич, был арестован за «хозяйственные преступления», но в столице Дмитрий Лихачев оставался персоной грата. В этом смысле его положение в городе напоминало Георгия Товстоногова и Даниила Гранина.

Одна из причин нелюбви ленинградского начальства к Лихачеву – его борьба за сохранение старого Петербурга. Он выступал в печати против вырубки деревьев в Екатеринин-

ском парке Царского Села, строительства гостиницы «Ленинград», сноса Греческой церкви, храма на Сенной площади, музея Пирогова на Выборгской набережной, портика Руска.

При Ленинградском отделении Фонда культуры действовал Совет по экологии культуры – легальное прикрытие возникшей во время защиты дома Дельвига «Группы спасения историко-культурных памятников Ленинграда».

Переломным моментом в истории Ленинграда стала защита гостиницы «Англетер» в конце марта 1987 года. Доходный дом пушкинского времени на углу Малой Морской (тогда улицы Гоголя) и Исаакиевской площади был перестроен в гостиницу в 1876 году. В 1926-м здесь повесился Сергей Есенин. К концу советской власти «Англетер», переименованный в гостиницу «Ленинградская», превратился в захолустный отель, особенно по сравнению с расположенной обок «Асторией». Городские власти решили гостиницу снести и полностью перестроить.

Живая цепь перед забором «Англетера» перед сносом 18 марта 1987 г.

Группа «Спасение» сделала все, чтобы этого не допустить. В 6 утра 16 марта 1987 года вокруг забора, отгородившего «Англетер» от проезжей части, образовалась живая цепь, чтобы не дать въехать строительной технике. На площадь в течение дня шли люди. Начался трехдневный стихийный митинг. Власти готовились разогнать людей силой. Во дворах по соседству скапливались внутренние войска: ОМОНа тогда еще не создали. Несмотря на опасность арестов, тысячи людей пришли на площадь, было много студентов и даже старшеклассников. Митингующие не составляли единой

массы, ленинградцы уходили и приходили. Классных руководителей и вузовских кураторов студенческих групп посылали уговаривать подопечных уходить с площади, но это не помогало. Меж тем Москва, по-видимому, приказ на разгон не давала.

18 марта руководителей инсургентов пригласили в исполком Ленгорсовета (тогдашнее правительство города) в Мариинский дворец. И пока они разговаривали с председателем исполкома В. Ходыревым и зампредседателя В. Матвиенко, живую цепь разогнали солдаты и милиционеры и техника обрушила «Ленинградскую».

Люди собирались на площади несколько месяцев, репрессий не последовало. Продолжали собирать подписи под письмом против сноса – собрали 20 тысяч. Регулярно развешивали информацию о том, что происходит в стране и городе в связи с митингом на Исаакиевской («Пост общественной информации»). В результате гостиницу решено было воссоздать максимально близко к ее историческому облику, а в 1988 году были утверждены объединенные зоны охраны исторического центра Ленинграда, по существу, запретившие уничтожение рядовой архитектуры старого города.

Именно события, связанные с «Англетером», начали в истории города новую эпоху. Ничего не значившие слова неофициального гимна Ленинграда «Город над вольной Невой» вдруг приобрели смысл. Поздний Ленинград неостановимо двигался к новому Петербургу.

Как и прошлая моя книга, эта основана на интервью, взятых с 2004-го по 2009-й год мной и журналистами «Пятого канала» для передач «Культурный слой» и «Живая история». Хотелось бы поблагодарить своих соразработников – Александру Матвееву, Катю Видре, Ирину и Леонида Маляровых, Евгения Мороза, Алексея Чачбу, Софью Лурье, Настю Голец, Александра Бурячко. Римму Крупову, Татьяну Соломенко, Оксану Андрееву, Зину Смирнову, Александра Устинова, Федора Погорелова, Галину Савельеву.

У кого взяты интервью

Алахвердов Леонид Габирович (1937–2019) – эстрадный певец и артист.

Александр Витальевич Старцев (1958–2006) – журналист, редактор первого в СССР самиздатовского рок-журнала «Рокси».

Алла – кофеварщица «Сайгона».

Алябьева Людмила Анатольевна – шеф-редактор журнала «Теория моды: одежда, тело, культура».

Андреева Екатерина Юрьевна (род. 1961) – искусствовед.

Антонов Виктор Васильевич (1938–2014) – историк, краевед, искусствовед.

Асадуллин Альберт Нуруллович (род. 1948) – певец.

Барановская Нина – журналист, методист Ленинградского Рок-клуба.

Баскин (Зейфман) Григорий Ефимович (1942–2010) – конференсье, народный артист РФ.

Белкин Анатолий Павлович (род. 1953) – художник.

Беломлинская Юлия Михайловна (род. 1960) – прозаик, художник.

Беляк Николай Владимирович (род. 1946) – главный режиссер «Интерьерного театра».

Бенцианов Бен Николаевич (Бенцион Ноевич Ба-

ранчик) (1918–2009) – народный артист РСФСР, художественный руководитель «Петербург-концерта».

Богомоллов Глеб Сергеевич (1933–2016) – художник.

Божков Олег Борисович (род. 1941) – социолог.

Борзыкин Михаил Владимирович (род. 1962) – рок-музыкант.

Борисова Екатерина – музыкальный журналист.

Браун Николай Николаевич (род. 1938) – поэт, общественный деятель.

Бугаев Сергей Анатольевич (Африка) (род. 1966) – художник.

Бутовская Светлана Николаевна — ресторатор.

Вайкуле Лайма Станиславовна (род. 1954) – эстрадная певица.

Вайнштейн Ольга Борисовна (род. 1959) – филолог, историк моды.

Вальран Валерий Николаевич (род. 1949) – художник, искусствовед.

Васильев Александр Александрович (род. 1958) – историк моды.

Васильев Владимир Борисович (род. 1950) – музыкант.

Васильев Анатолий Николаевич (1935–2017) – основатель ВИА «Поющие гитары».

Васильев Анатолий Николаевич (1940–2020) – художник.

Вензель Елена Николаевна (род. 1956) – режиссер.

Вивчаровский Богдан Владимирович (род. 1939) – певец.

Волкова Ольга Владимировна (род. 1939) – народная артистка РФ.

Вышенков Евгений Владимирович (род. 1962) – журналист, один из руководителей Агентства журналистских расследований.

Габриэль Галина Николаевна (род. 1950) – искусствовед, историк моды.

Гаврильчик Владлен Васильевич (1929–2017) – художник, поэт и прозаик.

Гайворонский (Кузьминчук) Андрей Владимирович (род. 1947) – поэт.

Гаккель Всеволод Яковлевич (род. 1953) – музыкант.

Герусова Елена Юрьевна (род. 1966) – театральный критик.

Гершт Борис Иосифович (1937–2020) – режиссер, поэт.

Гилинский Яков Ильич (род. 1934) – криминолог, социолог, правовед.

Голощекин Давид Семенович (род. 1944) – музыкант, продюсер.

Голь Николай Михайлович (род. 1952) – писатель.

Грач Всеволод Александрович (род. 1953) – директор рок-группы «Зоопарк», археолог.

Гребенщиков Борис Борисович (род. 1953) – музыкант.

Григорьев Геннадий Анатольевич (1950–2007) – поэт.

Григорьева Галина Валентиновна (род. 1948) – феминистка, психолог.

Гудков Игорь (Панкер) – продюсер, звукорежиссер.

Даниэль Сергей Михайлович (род. 1949) – искусствовед.

Дахья Михаил Яковлевич (Михаил Яковлевич Романов-Херманссон) (1954–2000) – фарцовщик, бизнесмен.

Дежонов Андрей Анатольевич (род. 1960) – актер, режиссер.

Демиденко Юлия Борисовна — историк искусства.

Дибров Дмитрий Александрович (род. 1959) – телеведущий.

Димитрии Юрий Георгиевич (Михельсон) (1934–2020) – драматург, либреттист.

Додин Лев Абрамович (род. 1944) – народный артист РФ, режиссер.

Дьячков Илья Николаевич — предприниматель, брат артиста Леонида Дьячкова.

Евдокимова Наталия Леонидовна (род. 1948) – политик.

Ефимов Владимир Васильевич (род. 1948) – коллек-

ционер музыки в стиле шансон.

Журбин Александр Борисович (род. 1945) – композитор.

Захаров Сергей Георгиевич (1950–2019) – эстрадный певец, народный артист РФ.

Зорин Олег Дмитриевич (1939–2021) – артист театра им. Ленсовета.

Зубков Геннадий Герасимович (1940–2021) – художник.

Иванов Борис Иванович (1928–2015) – писатель, историк.

Иванов Игорь Васильевич (1934–2017) – художник.

Иванов Николай Николаевич (1943–2020) – народный артист РСФСР и РФ, выпускник студии при ТЮЗе.

Игнатьева Татьяна Евгеньевна — директор петербургского Дома мод.

Иконникова Светлана Николаевна (род. 1930) – социолог.

Иконников-Галицкий Анджей Анджеевич (род. 1961) – литератор.

Ильин Владимир Иванович (род. 1950) – социолог.

Календарев Юрий (род. 1947) – художник.

Каменецкий Ефим Айзикович (Александрович) (1935–2021) – народный артист РФ.

Канунников Алексей Дмитриевич (1932–2014) – джазовый музыкант.

Кинчев Константин Евгеньевич (род. 1958) – рок-музыкант.

Кисиленко Лилия (род. 1962) – дизайнер одежды.

Клубков Павел Анатольевич (1941–2011) – лингвист.

Кнабенгоф Илья Леонович (Черт) (род. 1972) – рок-музыкант.

Кнайфель Александр Аронович (род. 1953) – композитор.

Князева Варвара Михайловна (род. 1948) – филолог.

Кобак Александр Валерьевич (род. 1952) – историк.

Ковалев Алексей Анатольевич (род. 1963) – археолог, общественный и политический деятель.

Ковальский Сергей Викторович (1948–2019) – художник.

Колесова (Воронина) Екатерина — журналист.

Колкер Александр Наумович (род. 1933) – советский и российский композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Комарова Ирина – эстрадная певица.

Кон Игорь Семенович (1928–2011) – социолог, психолог, антрополог, один из основателей современной российской социологической школы.

Константинов Андрей Дмитриевич (род. 1963) – писатель, основатель Агентства журналистских расследований.

Кореенов Адольф – следователь милиции.

Корнфельд Татьяна Марковна (род. 1950) – худож-

ник.

Корогодская Людмила Даниловна (1923–2006) – филолог, жена З. Я. Корогодского.

Короленко Псой Галактионович (настоящее имя – **Павел Эдуардович Лион**) (род. 1967) – автор и исполнитель песен, филолог.

Котельников Олег (род. 1958) – художник.

Кочергин Эдуард Степанович (род. 1937) – театральный художник

Крамарев Аркадий Григорьевич (1938–2018) – генерал-лейтенант милиции.

Кривченко Анатолий Николаевич (род. 1952) – политик.

Кудрявцев Александр Георгиевич (род. 1952) – бармен.

Курринен Элеонора Борисовна (род. 1948) – дизайнер одежды.

Ланда Марина Анатольевна (род. 1960) – композитор, теле- и радиоведущая.

Ланина Мария Михайловна (1955–2014) – переводчик.

Лебедева Елена Рэмовна (род. 1960) – актриса, режиссер Театра поколений З. А. Корогодского.

Лейкин Вячеслав Абрамович (род. 1937) – поэт и сценарист.

Леонидов Максим Леонидович (род. 1962) – музы-

кант, певец, актер.

Лимонов Эдуард Вениаминович (1943–2020) – писатель, политик.

Липовская Ольга Геннадьевна (1954–2021) – журналистка, феминистка.

Луппиан Лариса Регинальдовна (род. 1953) – народная артистка РФ.

Лурье Вадим Миронович (также отец Григорий (Лурье)) (род. 1962) – религиозный деятель, византист.

Любарский Михаил Григорьевич (1922–2014) – юрист.

Лямкин Николай – свидетель по «Делу автоматчиков».

Максим Валентинович Исаев (род. 1965) – художник, режиссер, актер.

Матвеев Владимир (род. 1952) – народный артист РФ.

Матвеева Вера Николаевна – театровед, заведующая музеем Театра им. Ленсовета.

Мельцер Игорь Юрьевич (род. 1962) – ресторатор.

Мигицко Сергей Григорьевич (род. 1953) – народный артист РФ.

Миллер Кирилл Семенович (род. 1953) – художник.

Миронов Сергей Михайлович (род. 1953) – политик.

Митенёв Константин Витальевич (род. 1956) – литератор, режиссер.

Мишин Валерий Андреевич (род. 1939) – художник.

Мнёва Татьяна Ильинична (род. 1958) – поэт.

Мякишев Евгений Евгеньевич (род. 1964) – поэт.

Набутов Кирилл Викторович (род. 1957) – телеведущий, журналист, продюсер.

Нарусова Людмила Борисовна (род. 1953) – историк, политический деятель.

Нечаев (Бакинский) Вадим Викторович (1937–2015) – журналист, организатор выставок неофициального искусства.

Новолодский Юрий Михайлович (род. 1951) – адвокат.

Носов Сергей Анатольевич (род. 1957) – писатель.

Овчинников Владимир Архипович (1941–2015) – художник.

Охапкин Артур – водитель.

Понизовский Борис Юрьевич (1930–1995) – режиссер.

Путятин Виктор Вениаминовна (род. 2018) – редактор газеты «Ленинградский метростроитель».

Рассказова Татьяна Дмитриевна (род. 1958) – актриса.

Резанов Николай Серафимович (1949–2006) – музыкант, руководитель ансамбля «Братья Жемчужные».

Рекшан Владимир Ольгердович (род. 1950) – прозаик.

Рецептер Владимир Эмануилович (род. 1935) – актер, режиссер, поэт.

Риш Арнольд Маркович – чемпион Ленинграда по карате 1979–1982 гг., чемпион СССР по карате 1980–1981 гг.

Розенбаум Александр Яковлевич (род. 1951) – автор-исполнитель, народный артист РФ.

Розмаринский Вадим Иванович (род. 1944) – прозаик.

Рубин Дмитрий Александрович (1962–2017) – поэт-песенник, сценарист, актер и музыкант.

Рыбаков Юлий Андреевич (род. 1946) – политический деятель, художник.

Савченко Татьяна Константиновна – директор-распорядитель Театра эстрады.

Сапего Михаил Геннадьевич (род. 1962) – поэт и издатель.

Северюхин Дмитрий Яковлевич (род. 1954) – историк.

Семенов Валентин Евгеньевич (род. 1942) – социолог, психолог.

Семак Петр Михайлович (род. 1960) – народный артист РФ.

Семенов Сергей Алексеевич (1968–2017) – фотохудожник.

Сергеев Леонид – бард.

Соколов Сергей Петрович – полковник милиции, фотограф, друг Аркадия Северного.

Синцова Галина Генриховна (род. 1939) – директор АО «Первомайская заря».

Соколова Ирина Леонидовна (род. 1940) – народная артистка РФ.

Соколова-Звезда Наталья Аркадьевна – дочь Аркадия Звезды (Северного).

Старцев Александр Витальевич (1958–2006) – редактор первого в СССР самиздатовского рок-журнала «Рокси».

Тараканов Владимир – валютчик.

Тараторкин Георгий Гергиевич (1945–2017) – народный артист РФ.

Тобрелутс Ольга Владимировна (род. 1970) – художник.

Томашевич Виктор – рабочий завода «Красный угольник».

Томошевская Татьяна Евгеньевна (род. 1949) – актриса, вдова Леонида Дьячкова.

Топоров Виктор Леонидович (1946–2013) – переводчик, поэт, публицист.

Торчинская Лариса Вадимовна – адвокат.

Травин Игорь Иванович (1936–2016) – социолог.

Троицкий Артемий Кивович (род. 1955) – публицист, музыкальный критик.

Тронь Александр Анатольевич (род. 1947) – астроном, преподаватель.

Тропилло Андрей Владимирович (род. 1951) – продюсер.

Тюменский Виктор (Виктор Михайлович Предигер)

(род. 1962) – российский автор-исполнитель шансона, член Союза композиторов, поэт.

Усов Андрей (Вилли) (род. 1960) – фотохудожник.

Уфлянд Владимир Иосифович (1937–2007) – поэт.

Ухналев Евгений Ильич (1931–2015) – художник.

Файнштейн Михаил Борисович (1953–2013) – рок-музыкант.

Фёдоров-Вишняков Виктор Сергеевич (Ай-Яй-Яй) (1941–2019) – артист ленинградского ТЮЗа.

Федоров Евгений Владимирович (род. 1965) – рок-музыкант.

Фильштинский Вениамин Михайлович (род. 1937) – театральный режиссер и педагог.

Фирсов Борис Макисмович (род. 1929) – социолог, общественный деятель.

Флоренский Александр Олегович (род. 1960) – художник, один из основателей арт-группы «Митьки».

Фукс (Соловьев) Рудольф Израилевич (род. 1937) – продюсер, поэт, композитор, собиратель городского фольклора, первый продюсер А. Северного.

Хазанов Геннадий Викторович (род. 1945) – народный артист РСФСР.

Хейфец Семен Александрович (1925–2012) – адвокат.

Хиль Эдуард Анатольевич (1934–2012) – народный артист РСФСР, певец.

Циликин Дмитрий Владимирович (1961–2016) – те-

атральный критик, публицист.

Цодиков Сергей Михалович (1922–2009) – директор Театра комедии.

Чванов Николай (1946–1971) – полковник милиции.

Чубайс Людмила Григорьевна (род. 1955) – ресторатор.

Чудаков Евгений Константинович (род. 1940) – артист петербургского ТЮЗа.

Шагин Дмитрий Владимирович (род. 1957) – художник, сооснователь группы «Митьки».

Шарко Зинаида Максимовна (1929–2016) – народная артистка РСФСР.

Шахрин Владимир Владимирович (род. 1959) – рок-певец.

Шибанов Игорь Георгиевич (1944–2019) – народный артист РФ.

Шинкарев Владимир Николаевич (род. 1954) – художник, прозаик, сооснователь группы «Митьки».

Шубинский Валерий Игоревич (род. 1965) – поэт, историк литературы.

Щеглов Лев Моисеевич (1946–2020) – сексолог и психотерапевт, профессор.

Элькин Борис Семенович (род. 1947) – бизнесмен.

Эрль (Горбунов) Владимир Ибрагимович (1947–2020) – поэт и текстолог.

Юрский Сергей Юрьевич (1935–2019) – народный ар-

тист РСФСР.

Ядов Владимир Александрович (1929–2015) – социолог, доктор философских наук.

Яснов (Гурвич) Михаил Давыдович (1946–2020) – поэт.

Часть I. Приватизация жизни

Бэби-бумеры

После войны около родильных домов по утрам, в час выписки, – столпотворение. Мужчины, прошедшие войну, встречают своих новорожденных детей. В конце 1940-х – начале 1950-х бум рождаемости во всем мире. И в Америке, и в Европе, и в Советском Союзе, и в Ленинграде.

Поколение, которое вошло в жизнь, на рубеже 40–50-х, получит название бэби-бумеры. Бэби-бумеры из Ленинграда известны всему миру, они формировали административную элиту нашей России последних десятилетий: Владимир Путин, Валентина Матвиенко, Дмитрий Патрушев, Александр Бортников, Борис и Аркадий Ротенберги, Юрий и Михаил Ковальчуки, Геннадий Тимченко, Сергей Миронов; ушедшие в последние годы в тень Сергей Иванов, Анатолий Чубайс, Виктор Черкесов, Андрей и Сергей Фурсенко, Борис Грызлов, Владимир Якунин.

В те годы в ленинградских родильных домах появились на свет люди самой разной судьбы. Сейчас эта демографическая страта постепенно выходит на пенсию. Мы пытаемся понять время и обстоятельства молодости и зрелости ленинградских семидесятников как единой общности. Тех, кто в

одном и том же возрасте смотрели на поднятые мосты, слушали Эдиту Пьеху, видели победу «Зенита» в 1984 году, голосовали за или против переименование Ленинграда в Петербург.

Елена Баранникова: *«Наше поколение – самое счастливое за все советские годы, а может быть, и постсоветские. У поколения перед нами очень большой излом. Они пережили блокаду, они пережили войну, они пережили страх. Поэтому им было очень тяжело. А мы – мы первое послевоенное поколение. Мы счастливы, и родители наши тоже были счастливы, что они пережили войну, и мы вот родились с таким счастьем. И еще нам повезло, что мы сформировались во время оттепели».*

Петропавловская крепость, 1967 г. Фото Ю. Дядюченко

На оттепель пришлись школьные годы семидесятников. Время сулило надежды. Хрущев торжественно обещает: нынешняя советская молодежь будет жить при коммунизме! Каждому – по потребностям, от каждого – по способностям. Что это значит, никому в точности не известно, но в стране царит ощущение перелома, люди верят в наступление новой радостной жизни. Даже после того, как в 1964 году соратники по руководству КПСС отправляют Хрущева на пенсию, эти настроения по инерции сохраняются. Все пути для нас открыты, все дороги нам видны! Коммунизм – это моло-

досьт мира, и его возводить молодым! На рубеже 1960–1970-х семидесятники оканчивают школы. На выпускных вечерах принято танцевать медленные танцы: «Возвращайся! Нет, минутку, я без тебя столько дней. Возвращайся! Трудно мне без любви твоей». Но, вырвавшись белой ночью на улицу, выпускники пляшут под транзистор новомодный шейк.

Рожденным после войны – время планировать свою будущую жизнь. Перед глазами молодых – старшие братья, поколение так называемых шестидесятников: тридцатилетние артисты БДТ, режиссеры «Ленфильма», танцовщики Кировского театра, модные литераторы.

В 1964 году в ленинградской культуре одновременно и официально работают 20–30-летние артисты Сергей Юрский (29 лет), Олег Басилашвили (30 лет), Татьяна Доронина (31 год), Зинаида Шарко (35 лет), Алиса Фрейндлих (30 лет). Танцуют их сверстники Юрий Соловьев (24 года), Алла Шелест, Алла Осипенко (32 года), Габриэлла Комлева (26 лет), Наталья Макарова (24 года). Главный в Кировском балете – балетмейстер Юрий Григорович (37 лет), в становящемся модном ТЮЗе – Зиновий Корогодский (38 лет), на «Ленфильме» снимают первые картины кинорежиссеры Виталий Мельников (38 лет), Игорь Масленников (33 года). Печатаются Андрей Битов (27 лет). Валерий Попов (25 лет), Виктор Конецкий (35 лет), Борис Вахтин (34 года), Александр Кушнер (28 лет), Глеб Горбовский (33 года), Александр Городницкий (31 год), Виктор Голявкин (35 лет), Яков Гордин

(31 год).

В 1964 прозвучал тревожный звонок: по обвинению в ту-неядстве, а фактически просто за «лица необщим выраже-нием», был арестован, а потом и приговорен к пяти годам ссылки поэт Иосиф Бродский.

Но время еще оставляло надежды. Весь мир жил молодежной культурой. Историю делала молодежь. Середина 60-х – время Вудстока, «Битлз», Че, парижских студенче-ских баррикад, протестов против войны во Вьетнаме, Года-ра, Збышека Цыбульского.

В последние годы своего правления Никита Хрущев по-терял какую-либо популярность. Его ненавидела армия – он выкинул из кадров тысячи боевых офицеров, не дав ни жи-лья, ни гражданской специальности, ни достойных подъем-ных (о пенсии для большинства не было и речи). КГБ резко потеряло в статусе после казни Лаврентия Берия. Партий-ный аппарат боялся частичной выборности, которую сулил Никита Сергеевич, его крутого нрава и неостановимого зу-да реформаторства, не одобрял развенчание культа личности Сталина. Его внешняя политика была рискованной и угро-жала всеобщей гибелью.

Рабочие видели только снижение расценок, повышение цен на мясо, отсутствие в продаже самого необходимого (то-го, что еще недавно лежало на прилавках). Отсюда Ново-черкасск, Муром, Темиртау – открытые пролетарские бун-ты. Наконец, крестьяне, вначале получившие резкое сниже-

ние сельскохозяйственного налога, просто взвыли к началу 1960-х от нереальных планов, торфоперегнойных горшочков, повсеместной кукурузы и налогов на личный скот и фруктовые деревья.

Очередь за рыбой, Ленинград. Фото С. Подгоркова

Помню, как моя няня, псковская крестьянка Ольга Арсентьевна Николаева, уверяла, что Георгий Маленков (а именно с ним крестьяне связывали послабления 1953 года) скрывается в Китае и вот-вот вернется, чтобы сменить никуда не

годного Хруща.

Ну и, наконец, интеллигенция, готовая простить Хрущеву всё за «разоблачение культа личности» (вспомним ахматовское «Я – хрущевка»), уже не могла терпеть Никитино хамства и косноязычия.

Приход Брежнева к власти вызвал некоторое временное ослабление эстетического контроля: правила игры на 1970-е годы только формировались. Все ждали послаблений. Сместивший Хрущева Брежнев в 1965 году неожиданно выпускает Бродского из ссылки. Наступает «дней Леонидовых прекрасное начало»: октябрь 1964-го – август 1968-го.

У ленинградской молодежи 1960-х годов существовали такие оазисы разрешенного и подконтрольного вольномыслия, как литературный клуб «Дерзание» при Дворце пионеров (оттуда вышли Елены: Шварц, Игнатова, Пудовкина; Викторы: Топоров и Кривулин; Евгений Вензель, Николай Беляк, Геннадий Григорьев, Петр Чейгин, Михаил Гурвич-Яснoв, Николай Голь, Лев Лурье), блоковский семинар профессора Д. Е. Максимова на филфаке (Сергей Гречишкин, Александр Лавров), ЛИТО Глеба Семенова, Давида Дара и Татьяны Гнедич, салоны Надежды Рыковой, Геннадия Гора, Владимира Стерлигова – Татьяны Глебовой; лекции и семинары Ефима Эткинда, Игоря Кона, Льва Клейна, Аристида Доватура.

Важную роль играли специальные математические шко-

лы, особенно 30, 38 и 239-я, со своими ЛИТО, студиями, традициями естественно-научного фрондерства. В НИИ практиковались поэтические чтения и выступления бардов из клуба «Восток» (Евгений Клячкин, Юрий Кукин, Александр Городницкий).

«Зримой песней» и «Людьми и мышами» отмечен был выпуск режиссерского курса Товстоногова в ЛГИТМИК. В зените славы находились БДТ и Театр комедии.

Цензура значительно ослабла. В 1964–1968 годах вышли «Понедельник начинается в субботу», «Улитка на склоне», «Сказка о тройке», «Гадкие лебеди» братьев Стругацких, «Хранитель древностей Юрия Домбровского, «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» Василия Белова. В журнале «Москва» печатают «Мастера и Маргариту», в «Большой серии» Библиотеки поэта переиздаются стихи Марины Цветаевой и Бориса Пастернака (Осип Мандельштам появится только в 1973-м). Анна Ахматова умирает в 1966-м, за год до смерти из печати выходит «Бег времени». В 1965-м Анну Андреевну отпускают в Оксфорд, где она становится Почетным доктором.

Невиданный подъем в советском кинематографе. В 1964–1967-х годах на экраны выходят. «Живет такой парень» Василия Шукшина, «Время, вперед!» Михаила Швейцера, «Звонят, откройте дверь» Александра Митты, «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма, «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика» и «Кавказская пленница, или Новые

приключения Шурика» Леонида Гайдая, «Похождения зубного врача» Элема Климова, «Рабочий поселок» Владимира Венгерова, «Айболит-66» Ролана Быкова, «Андрей Рублёв» Андрея Тарковского, «Берегись автомобиля» Эльдара Рязанова, «Два билета на дневной сеанс» Герберта Раппапорта, «Дневные звезды» Игоря Таланкина «Листопад» Ота-ра Иоселиани, «Начальник Чукотки» Виталия Мельникова, «Республика ШКИД» Геннадия Полоки, «Старшая сестра» Георгия Натансона, «В огне брода нет» Глеба Панфилова, «Женя, Женечка и „катюша”» Владимира Мотыля, «Июльский дождь» Марлена Хуциева, «Короткие встречи» Киры Муратовой, «Три тополя на Плющихе» Татьяны Лиозновой, «Хроника пикирующего бомбардировщика» Наума Бирмана.

Незаметно меняются общественные умонастроения. Всё больше узнает образованное меньшинство об интеллектуальном и художественном взлете Серебряного века. Для молчаливого большинства важен позорный крах «Программы КПСС», быстрое становление общества потребления, шик заграничной жизни, явленный и итальянскими и французскими фильмами и роскошными (по советским меркам) одеждами иностранных туристов. Все это делает коммунистическую идею даже в ее «ленинском» первоначальном варианте все менее манкой.

И хотя еще пользуются популярностью строки Булата Окуджавы: «Я всё равно паду на той, на той единственной

Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», пьесы Михаила Шатрова и «Братская ГЭС» Евгения Евтушенко, всё больший интерес вызывают мистика, религия, самообразование или чистый эскапизм. Выбор такой: уход в своеобразные культурные скиты или циническое приспособление к существующей реальности.

Сергей Миронов: *«Придя в 1-й класс, я уже знал, что буду геологом. У меня не было никаких сомнений. Я не хотел быть ни космонавтом, ни пожарным, ни шофером. Я хотел быть геологом. Я не собирался быть министром. Но мой карьерный рост и пик должен был обозначать начальника экспедиции. В геологии – это круто».*

В 1969 году из дома по Баскову переулку, 12, выходит семнадцатилетний Владимир Путин, ученик десятого класса, и отправляется в Большой дом, Комитет государственной безопасности. Мальчик посмотрел фильм «Щит и меч» и хочет стать советским разведчиком. Он предлагает Комитету государственной безопасности свои услуги. Юный Путин получает отказ: «Инициативников не берем!». Времена комсомольцев-добровольцев в далеком прошлом. Семидесятники входят в мир, где инициатива не приветствуется.

Николай Беляк: *«Предыдущее поколение старших братьев, которое, будучи сформированным в условиях такого жесткого, тоталитарного, да практически тюремного состояния несвободы, в период оттепели как бы ринулось в прорыв, сразу попало в резонанс и оказалось востребо-*

ванным. Следующее поколение сформировалось в ценностно-смысловом качестве в годы оттепели, то есть в состоянии вот этой кажущейся свободы».

7 ноября 1967 года ленинградцы наслаждались невероятным зрелищем. Крейсер «Аврора» покинул свою вечную стоянку, подошел к мосту Лейтенанта Шмидта (сейчас Благовещенскому) и направил свое баковое орудие на Зимний дворец, как это было 7 ноября 1917 года. Страна отмечала 50-летие Октябрьской революции. Веселые и энергичные 60-е сменялись мрачными, безнадежными, вязкими 70-ми. Пропаганда восторженно восхваляет достижения социализма. Юбилеи идут один за другим: 50-летие Советской армии, комсомола, столетие Ленина. У молодежи оскомина от однообразных славословий.

«Аврора» приходит. Фото С. Подгоркова

Наталия Евдокимова: *«Доведя до абсурда ожидание 100-летия со дня рождения Ленина, власть привела к тому, что над юбилеем постепенно начали смеяться. Пошли анекдоты. Один из первых был незлобивый, но всё-таки анекдот про Ленина: „Ильич говорил Крупской, что идет к Арманд. Арманд – что остается с женой дома. Ф сам – в Публичную библиотеку, и работать, работать, работать”».*

Формально верность идеологии сохраняется. Но фактически Ленин теперь не бог, а комический персонаж. Герой анекдотов. Никакого другого кумира у семидесятников не

появилось. Ленинизм не был заменен ни церковью, ни идеей либерализма, ни трудовой этикой. Ленина нет, и всё позволено. Любая большая идея казалась семидесятникам чем-то ненужным. У каждого – своя частная правда. Хрущев обещал коммунизм через 20 лет. Люди сомневались, но думали. «А что если... Чем черт не шутит». При Брежневе в коммунистические идеалы уже и из начальников никто не верит. Слова, произнесенные с трибун, – скучнейший ритуал. Их не слушают, им не придают значения. Идеи революции, еще недавно казавшиеся романтическими, воспринимаются как бабушкины сказки.

Сергей Миронов: *«Была большая неправда. Нам всем очень хотелось верить в то, что нам говорят. В то, что нам показывают по телевизору. И в то, что мы читаем в газетах. Но, читая, слушая и смотря одно, в жизни мы видели другое. И вот этот диссонанс, вот это умение читать между строк, это понимание, что там нам говорят красивые слова. Причем мы подозревали, что они сами-то в это не верят».*

Александр Васильев: *«Были две главные газеты: „Известия” и „Правда”, которые отличались только одним: в „Известиях” не печатали правду, а в „Правде” не было известий».*

Те, кому по-настоящему интересна политика, вместо «Правды» и «Известий» слушают западные радиостанции – Би-би-си, «Голос Америки», радио «Свобода». Мощная си-

стема глушения не слишком помогает.

Борис Элькин: *«Всё равно были места, где не сильно глушили. И были всякие фокусы. Можно было зайти, например, под пандус Литейного моста с приемником „Спидола“. И вот там было слышно иногда».*

Газеты на Большом пр. Фото С. Подгоркова

На двадцать лет время словно остановилось. Люди, пришедшие к власти в 1964-м, будут править страной до 1985 года. Они обеспечат стране стабильность и относительно вы-

сокий уровень жизни, не допустят большой войны. Но цена этой стабильности – отсутствие какого бы то ни было движения, новых лиц и идей. То, что потом назовут застоем.

Эдуард Лимонов: *«КПСС превратилась в орден таких геронтократов. Свежих людей боялись... Изъян социалистической системы. К власти не проходил ни один талантливый чел».*

Людмила Чубайс: *«Сейчас мы до 35 лет рассматриваем кандидатуры на серьезную работу. А раньше – старше 35-ти».*

В любой стране и при любом режиме самый простой способ выбиться в люди – хорошо работать. Но в многочисленных ленинградских НИИ и КБ семидесятых годов посты завлабов занимают старшие братья – шестидесятники, а в начальниках – люди из поколения фронтовиков, которые годятся нашим героям в отцы. Перспективы карьерного роста близки к нулю, работа идет ни шатко ни валко.

Борис Элькин: *«Я какой-то фигней занимался. Книжки читал в столе. Меня ловили. Я говорю, мне делать нечего. Они говорят, читай техническую литературу. Повышай свой уровень. Это ужасно было. Тетки красились. Бесконечно курить ходили. Ну, это такая выматывающая штука, конечно, выматывающая. Все заканчивали в 6 часов. В 6 часов звонит звонок. Во всех конторах. И вот все с низкого старта кидались бежать. То есть бежали с работы, как с пожара».*

Если нет объединяющей идеи и захватывающего дела – главной становится личная жизнь. Все сыты, крыша над головой есть, скромную зарплату платят регулярно, всем примерно одинаковую.

Валентин Семенов: *«Работа была ничто. Отсидеть, переждать, всё начиналось как раз после работы. Проводили досуг в своих собственных, как бы сейчас сказали, тусовках. Это было любимое – собираться компаниями и заниматься своими любимыми делами».*

Живут в ожидании отпуска. Его детально планируют, о нем мечтают весь год.

Александр Васильев: *«Болгария была пределом мечтаний. Кто не хотел поехать в Златые Пески! А кто не мог, думал о Сочи, о Пицунде, о Ялте, которая считалась великолепным отдыхом. Или о Юрмале, где самые прозападные собирались».*

Людмила Чубайс: *«У нас была байдарка. У нас была палатка. У нас были там всякие разные котелки, ведерки и всё остальное. И вот мы разрабатывали какой-то маршрут. И на 2–3 недели брали байдарку и уходили на природу».*

Туристический аскетизм мирно уживается со стремлением украсить быт, чтобы всё было, что называется, как у людей. Стенка, чеканка, вагонка, хрусталь, сервиз. Товары в СССР не покупают – их достают. Возможностей мало. Джентльменский набор – «дачка, тачка и собачка» – доступен немногим. Тем сильнее радость обладания дефицитным

товаром.

Людмила Чубайс: *«Хрусталь – это розовые мечты. Машина „Жигули” – что-то невероятное. Такое, чего у меня никогда точно не будет. И обидно было, почему так. Мы вот за свои 100 рублей зарплаты, может, сможем за каких-нибудь 10–15 лет накопить».*

В 1970-е годы в жизни людей важнейшую роль играет дефицит. То, за чем бессмысленно ходить в магазины. Джинсы. Сигареты «Кент». Пыжиковые шапки. Дубленки. Торт «Мечта». Ликер «Ванна Таллин». Журнал «Силуэт». Вещи занимают всё большее и большее место как символ престижа, успеха, демонстративного потребления. И многие начинают «крутиться» – доставать, обменивать, спекулировать, выпрашивать у иностранцев. Роль денег в жизни людей становится гораздо более важной, чем, например, в 1950-е или в 1960-е годы.

Альберт Асадуллин: *«Первое, что мне хотелось, – джинсы настоящие. Ну, не только мне. Всем моим друзьям. Это был символ буржуазного капиталистического мира. Как жвачка, кока-кола. Фарцовщики появлялись в институте, доставали что-то. Привозили. Но они стоили бешено дорого».*

Кто-то хочет достать джинсы, кто-то – пластинку «Битлз». Одних манит замша, других – джерси. Но все поголовно хотят иметь книги. Собираение библиотек – в моде. В каждом сколько-нибудь «приличном» доме необходимо иметь

собрания сочинений Валентина Пикуля, Юлиана Семенова, Александра Дюма. Эти книги в открытой продаже купить невозможно. Их получают только в обмен на макулатуру.

Книга из источника знаний превращается, с одной стороны, в часть интерьера, с другой – в своеобразный наркотик. В книгах иной, невиданный мир. Гораздо более живой и изменчивый, нежели явь. Чтение определяет не только мировоззрение, но и статус. Пикуля читают все. Значит, среди продвинутых модно не читать его вовсе. Продвинутая ленинградская молодежь предпочитает малодоступных Бродского, Солженицына, а кто и Камю с Лао-Цзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.